

Т. Л. ЛАБУТИНА

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МИР АНГЛИЧАН

В статье речь идет о влиянии событий Английской революции 1640–1660 гг. на интеллектуальную жизнь общества. Особое внимание уделено анализу печатной продукции, в частности изданий Библии на английском языке и периодических изданий; состоянию грамотности в стране; образовательным программам деятелей революции. Отмечается воздействие революции на социальную активность англичан, вызванную, прежде всего, изменениями менталитета молодежи и женщин. Эти проблемы не были предметом специального исследования в отечественной науке; обратиться к ним побудило творческое наследие видного советского историка М.А. Барга, ученицей которого являлся автор данной статьи.

Ключевые слова: М.А. Барг, Англия, XVII век, революция, пресса, Библия, грамотность, образование, женщины, протофеминизм.

Прежде чем обратиться к освещению поставленной проблемы, хотелось бы в 100-летний юбилей выдающегося историка Михаила Абрамовича Барга поделиться своими воспоминаниями о нем. Спустя годы после ухода из жизни этого человека, остро осознаешь, насколько неординарен и талантлив он был. Думается, что его можно причислить к светилам мировой исторической науки. По одаренности, разносторонности и многогранности интересов, оригинальности подходов к историческим и методологическим проблемам, глубине и многообразию исследований трудно найти равных ему среди отечественных ученых. К сказанному добавим еще об одной грани таланта Михаила Абрамовича: он был непревзойденным лектором и педагогом, Учителем с большой буквы.

Из его многочисленных аспирантов (свыше 30!) лишь немногим посчастливилось послушать его лекции. Среди этих счастливиц оказалась и я. Наше знакомство состоялось ровно 50 лет тому назад, на историческом факультете Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, где М.А. Барг читал лекции и вел семинары по истории Средних веков. На истфаке в ту пору преподавали многие известные ученые (акад. А.Л. Нарочницкий, профессора И.А. Никитина, В.С. Вергинский и др.), но слушать лекции в полном составе студенты второго курса ходили только к проф. Баргу. До сих пор продолжаю удивляться, насколько талантливым он был рассказчиком (именно рассказчиком, а не обычным лектором!), умевшим привлечь внимание большой студенческой аудитории к таким, казалось бы, скучноватым сюжетам, как аграрная история средневековой Англии (маноры, огораживания, пауперы и пр.). Думается, не последнюю роль в том сыграло неиссякаемое чув-

ство юмора, присущее профессору. Михаил Абрамович не только читал лекции, но вел и семинарские занятия, которые, на мой взгляд, были для него своеобразным «полигоном» для выявления студентов, способных к исследовательской работе. Так, он раздавал копии текстов статей известного английского источника «Книга Страшного суда», требуя от студентов выполнить их научный перевод и анализ. Учитывая тот факт, что латынь не преподавали в вузе, это было непростым делом. Но как бы то ни было, именно с подобного приобщения к исследовательской работе, по сути дела, и началась моя научная карьера. В 1968 г. я поступила в аспирантуру Института всеобщей истории АН СССР, моим официальным научным руководителем Ученый Совет утвердил М.А. Барга. Так Михаилу Абрамовичу суждено было открыть для меня путь в науку.

Не могу сказать, чтобы уважаемый профессор чрезмерно опекал аспирантов. Человек творческий, чрезвычайно занятый собственными исследованиями, он предоставлял своим «подопечным» полную свободу действий. Однако главное – выбор темы и плана диссертации – оставлял за собой. Помню, как настойчиво он уговаривал меня – быть может, в продолжение своих любимых изысканий – заняться аграрной историей Англии. Мне же более интересными представлялись сюжеты, связанные с политической историей. Пришлось привести немало доводов, прежде чем учитель согласился с темой, которую сам же в конечном итоге и сформулировал: «Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681 гг.)». В 1982 г. вышла в свет моя первая монография с тем же названием. Без лишней скромности скажу: несмотря на то, что с той поры минул немало лет, это исследование об эпохе Реставрации продолжает оставаться уникальным в отечественной историографии и востребовано на исторических факультетах университетов. Большая заслуга в том, на мой взгляд, принадлежит, конечно, научному руководителю, сумевшему направить усилия аспиранта на изучение слабо разработанной и важной в методологическом плане темы.

Михаил Абрамович был настоящим «генератором идей», новатором во всем: выборе научных проблем, методике исследования и т.д. В этом я убедилась на собственном опыте. Именно с подачи своего учителя я обратилась к использованию в кандидатской диссертации математических методов, что для отечественных специалистов той поры было еще редкостью. В результате сложной и кропотливой работы удалось написать интересную и оригинальную главу, посвященную проблеме формирования ранних политических партии Англии – тори и вигов¹.

¹ *Лабутина*. 1982. С. 86-120.

Не могу не отметить, что общение с Михаилом Абрамовичем доставляло радость собеседникам. Человек глубокого и острого ума, всегда доброжелательный и располагавший к себе, с неиссякаемым чувством юмора он, подобно магниту, притягивал к себе людей, особенно молодых. Его обращение к девушкам – милый», как бы подчеркивало доверительность беседы, располагало к искренности. Наши совместные с учителем разговоры не исчерпывались профессиональными интересами, мы обсуждали многие темы, включая политику и семейные отношения. На протяжении всего времени сотрудничества Михаил Абрамович оставался главным моим поверенным в сложных жизненных ситуациях. Его искренние и, как оказывалось, по-настоящему мудрые советы успокаивали, вдохновляли и давали силы для преодоления различных неурядиц. Сам же учитель, как позже вспоминал его друг – профессор Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Г.Р. Левин, очень ценил мою искренность и дорожил нашими доверительными отношениями. По утверждению Левина, я оставалась любимой ученицей профессора Барга.

Хотелось бы добавить, что при видимой мягкости Михаил Абрамович всегда оставался верен своим принципам и идеям, за что порой ему приходилось, что называется, «расплачиваться». Так, начав основательно заниматься новейшим в ту пору направлением в отечественной науке – методологией истории, он попал в немилость к партийным «боссам», усмотревшим в том крамолу. Барг был вызван для беседы в ЦК КПСС. А вскоре последовали оргвыводы: запрет на выезд в зарубежные страны. Только в начале 1990-х, незадолго до своей кончины, М.А. Барг впервые посетил Англию, изучению истории которой он посвятил практически всю свою жизнь. Между тем, подобные сложности с партийным руководством его не сломали, а лишь укрепили в собственной правоте. Он отстаивал свое право ученого – заниматься изучением новых проблем, в данном случае – проблем методологии истории, и в то же время не ожесточился против существующей системы. Именно М.А. Барг первым дал мне рекомендацию для вступления в члены КПСС, чем я и по сей день искренне горжусь. Когда же настали «перестроечные» времена, ученый не стал отрешиваться от своего «коммунистического прошлого», более того, сохранил верность прежним принципам и идеалам, чем заслужил глубокое уважение многих своих коллег.

В последние годы жизни Михаила Абрамовича мы виделись уже редко. Помню, как навещала его в больнице. Звонила по телефону. Как и прежде, делилась своими научными планами и их реализацией. Учитель искренне радовался моим успехам, гордился теми публикациями, которые появлялись в центральных научных изданиях, сочувствовал

неудачам. Во время таких бесед у меня зародилась идея написать монографию об английском Просвещении. Книга, с посвящением М.А. Баргу, вышла в свет в 1994 г., однако подарить ее своему учителю и другу я не успела: он ушел из жизни. Между тем, светлая память о нем живет не только в сердцах многих его учеников, коллег, но и в многочисленных трудах профессора Барга, не потерявших своей актуальности по сей день. Выступая перед студентами, я нередко рассказываю им о том, что моим учителем и другом на протяжении многих лет был Михаил Абрамович Барг. Всякий раз, услышав в ответ признание, что труды профессора Барга, как и в годы моей юности, известны и востребованы молодыми историками, я испытываю чувство гордости и удовлетворения. Лучшую память об ученом трудно себе представить.

Среди многочисленных тем своих исследований наибольшее внимание М.А. Барг уделял Английской революции середины XVII в.² Пожалуй, можно утверждать, что это была его любимая тема. Между тем, вне поля зрения ученого оказалась такая проблема, как влияние событий революции на интеллектуальную жизнь общества. В этой связи мое обращение к указанной проблеме представляется вполне закономерным.

В отечественной науке с давних пор утвердилась концепция о том, что Английская революция середины XVII в., ознаменовавшая собой победу капиталистического строя над феодальным, явилась эпохальным событием не только для Британии, но и для всей Европы. В результате революции в Англии произошли глубокие социально-экономические, политические, религиозные, идейные и культурные перемены. Практически именно с этой революции началась новая цивилизация. Между тем, в историографии продолжается дискуссия, начатая три столетия тому назад, по поводу характеристики событий тех лет: являлись ли они революцией или восстанием и мятежом? Причем споры вызывают не только оценки социальной сущности данных событий, но и общая характеристика происходившего в стране. Известный британский ученый XX века Кр. Хилл отмечал, что большинство историков оценивало данный период в истории культуры Англии как «нормальный», сам же историк считал его чрезвычайно важным, даже уникальным для интеллектуального развития общества³. Его ученик Дж. Эйлмер подчеркивал, что гражданская война в Англии принесла человеческие жертвы, разрушения, негативно отразилась на развитии экономики, а также досуга, социальных отноше-

² Барг 1950; Лавровский, Барг 1958; Барг 1967; 1991; 1994.

³ Hill 1990. P. 204, 218.

ний, семейной жизни. В то же время историк признавал: общая картина событий тех лет не была столь мрачной, как можно было себе представить. Даже число погибших в сражениях гражданской войны (несколько десятков тысяч) было значительно меньше в сравнении с последствиями жестоких эпидемий той поры. Во время гражданской войны, продолжал Эйлмер, не произошло «ни внезапных сдвигов в экономике, ни радикальных изменений в социальной структуре», что способствовало в дальнейшем созданию более благоприятных условий для роста предпринимательства внутри страны и укрепления торговой империи за океаном⁴.

Между тем, далеко не все историки придерживались подобной, на наш взгляд, вполне оправданной и объективной оценки указанных событий. Известный философ, историк, просветитель XVIII в. Д. Юм полагал, что ни один народ не переживал более резких и глубоких перемен в своих нравах, чем английская нация в период революции. «Из состояния покоя, согласия, повиновения и здравого смысла она (нация – *Т.Л.*) была стремительно свергнута в пучину раздоров, фанатизма, мятежа и чуть ли не самого настоящего безумия, – писал Юм. – Неумолимая строгость пресвитериан и индипендентов предали своего рода анафеме все развлечения. Скачки и петушинные бои были запрещены как нечто гнусное и чудовищное, даже медвежья травля считалась богопротивной, языческой мерзостью, причем шокировала пуритан не сама жестокость этой забавы, а то, что она доставляла потеху публике». Всему этому виной Юм считал «гнусный фанатизм» революционеров, который, по его мнению, оказался губительным для вкуса, познания, закона и правопорядка, и в результате «веселость и остроумие были преданы анафеме, светские науки презирались, свобода исследования вызывала бешеную ненависть, и только ханжество и лицемерие пользовались всяческим поощрением»⁵.

Надо признать, что подобные негативные оценки революционных событий сохранились и в историографии XX в. К примеру, Дж. Треvelyян, хотя и не был столь категоричен в своих высказываниях, как Юм, тем не менее, тоже осуждал пуритан, когда писал: «После торжества парламентских армий наступило “царство святых” с их воспеваемым в псалмах благочестием, которым пользовались как лозунгом для того, чтобы добиться благосклонности господствующей партии, с их вмешательством в жизнь простых людей, с их запретом театров и традиционных спортивных состязаний». Использование солдат для обхода частных домов в Лондоне с целью проверки, на предмет нарушения субботы и соблюде-

⁴ Эйлмер 2004. С. 112-114.

⁵ Юм. 2002. С. 124, 125, 131.

ния установленных парламентом постов (проверяющие, как правило, уносили с собой найденную в кухне пищу), вызывало в обществе, согласно Тревелияну, самое резкое негодование⁶. Естественно, что подобные, весьма мрачные характеристики революционной эпохи создавали впечатление об Англии той поры, как о стране, в которой царили война, разруха, смерть, нищета и как неизбежное следствие – падение нравов и упадок культуры. Но так ли это было на самом деле? Что представляла собой английская культура – образование, литература, наука, в ту пору? Как революция повлияла на интеллектуальное развитие общества в целом? Ответить на эти вопросы автор и попытался в своей статье.

Отличительной чертой революционной эпохи явился значительный рост в стране печатной продукции. В 1640 г. друг Дж. Мильтона книготорговец Дж. Томасон приступил к собранию коллекции книг, памфлетов, газет, которые издавались во время революции. Поначалу в его собрании было 22 издания, но к 1660 г. уже насчитывалось свыше 20 тыс. наименований. Не менее внушительным было и собрание газет, которые издавались с 1641 г. (от 4 до 722 – в 1645 г. и до одной тысячи спустя несколько лет)⁷. Резко возросло число опубликованных баллад и альманахов, которые пришлись по сердцу простолюдинам. В целом, по утверждению Дж. Эйлмера, объем печатной продукции в 1640-х гг. превзошел все, что было издано за весь предшествующий период, начиная с того времени, когда Кэжстон положил начало книгопечатанию в Англии⁸.

Чем объяснялся такой бум печатной продукции? Прежде всего отменой цензуры, которую с XVI в. осуществляла Звездная палата. Другой, не менее важной причиной явилось издание Библии на английском языке. «Доступность Библии на английском языке стала стимулом для того, чтобы учиться читать, а это, в свою очередь, помогало развитию дешевого печатного дела и распространению книг», – отмечал Хилл и далее заключал: «Это была культурная революция беспрецедентных масштабов, последствия которой трудно переоценить»⁹. Во время революции дешевые издания Библии наводнили страну. Количество Библий и Новых Заветов, изданных за период от Реформации до революции, перевалил за миллион. Когда цензура и церковные суды были упразднены, любой англичанин получил возможность свободно обсуждать содержание Библии. Все партии, принимавшие участие в революции, обращались к Библии в поисках аргументов в спорах. Для большинства политиков (Р. Филмер,

⁶ Тревелиян 2001. С. 251-253.

⁷ Hill 1990. P. 219.

⁸ Эйлмер 2004. С.66.

⁹ Хилл 1998. С. 30, 25.

О. Сидней, Дж. Гаррингтон, Дж. Мильтон, Дж. Локк, Дж. Лильберн, Дж. Уинстенли, рантеры, люди Пятой монархии) Библия была авторитетом и цитировалась чаще других текстов. В политических сочинениях Гоббса, которого современники обвиняли в атеизме, насчитывалось 1327 цитат из Библии, в одном только «Левиафане» – 657 цитат. Нередко совершенно противоположные концепции защищались с помощью цитат из Библии. Так, Мильтон в памфлетах против развода цитировал Ветхий и Новый Заветы, а рантеры оправдывали библейскими текстами сексуальную распущенность. Показательно, что не только для политиков, но даже для большинства ученых Библия оставалась «главным авторитетом». Многие из них (космолог Р. Хэнклюит, математик Э. Райт, физик И. Ньютон) неоднократно цитировали Библию в своих трудах. Библия становилась также своеобразной «моделью» для парламентариев, составлявших законы, являлась «основой всех искусств, наук и литературы». Сцены и изречения из Библии присутствовали в качестве убранства на драпировках стен в жилых домах, пивных, других общественных местах. Не случайно, подобное всеобъемлющее влияние Библии на общество Хилл окрестил «библейской революцией», вкладывая в это понятие два смысла: во-первых, для того, чтобы подчеркнуть, что язык и образы Библии использовались для выражения политической оппозиции Карлу I, а также поддержания морального состояния в период гражданской войны, а во-вторых, потому что революция с ее последствиями полностью разрушила всеобщее принятие Библии как «непогрешимого авторитета, которому надо было безоговорочно следовать». Но поскольку библейская революция потерпела поражение, то и саму Библию постигла такая же участь¹⁰.

Объемный труд Хилла, посвященный анализу влияния Библии на разные стороны жизни английского общества в XVII в., позволяет по-новому взглянуть на события революции и с должным вниманием отнестись к тем религиозным спорам, которые, как оказалось, играли более важную роль в революционных событиях, чем это представлялось историкам-марксистам. В своей книге Хилл показал, как на протяжении столетия в стране формировалась библейская культура. Король Генрих VIII Тюдор разрешил перевести Библию на английский язык, чтобы во время Реформации закрепить политическую независимость своего королевства от власти Папы. Библия сыграла решающую роль в формировании национального самосознания англичан, а также в утверждении превосходства английского языка в обществе. Хилл напоминал, что первые свидетельства использования английского языка в правительственных прокламаци-

¹⁰ Там же. С. 33, 35-36, 37-38, 45-46, 56.

ях относятся к 1264 г., а в XIV в. в начальных школах французский язык был заменен английским. Наконец, в 1526–1534 гг. Уильям Тиндел осуществил первый перевод Нового Завета на родной язык. Его работу финансировало купечество. Постепенно Библия, переведенная на английский язык, сделалась «собственностью всех грамотных мирян», она быстро распространилась во всех слоях общества и к XVII веку была признана главным авторитетом во всех сферах интеллектуальной жизни, послужив «основанием для всех аспектов английской культуры»¹¹.

Соглашаясь с концепцией Хилла о значительном влиянии Библии на интеллектуальную жизнь общества, можно невольно попасть в плен заблуждений и подумать, что все англичане были знакомы с Библией, а следовательно, являлись грамотными. Но так ли это было на самом деле? По утверждению очевидца революционных событий памфлетиста Ричарда Бакстера, «чернь» – лудильщики, свинопасы, грузчики, барочники – вообще никогда не читали Библии¹² в силу своей неграмотности. А как вообще обстояло тогда дело с грамотностью в стране? Ответ на этот вопрос дал в своей книге «Грамотность и социальный порядок» Дэвид Крэсси. По его подсчетам, уровень неграмотности англичан в 1640-е годы колебался от 33% в Лондоне до 94,6% – в графстве Вестморленд. С женской грамотностью дело обстояло еще хуже. Так, в начале века неграмотность среди женщин, проживавших в столице, достигала 91%, к середине – она снизилась до 81% и только к концу века сократилась почти вдвое, составив 52%¹³. Естественно, что подобное состояние образования не могло оставить равнодушными революционеров-реформаторов. Многие из них выступали за радикальные перемены в образовании. Дж. Уинстенли заявлял, что свободное образование для обоих полов должно продолжаться до 40-летнего возраста. Он высказывался за всеобщее, равное и обязательное образование, ратовал за сочетание школьного образования с профессиональным обучением, утверждая: «для республики полезно, чтобы дети были обучены каким-либо ремеслам, так же как и знанию языков или истории»¹⁴. С должным вниманием относился к образованию юных англичан и Оливер Кромвель. Он считал недостаточным обучение лишь «светской знати и джентри», ратовал за всеобщее образование. В одной из своих речей Кромвель заявил: открытие школ для всех детей и их обеспечение за счет государственной казны – это долг и обязанность правительства¹⁵.

¹¹ Там же. С. 20-21, 22-25.

¹² Цит. по: Хилл 1998. С. 26.

¹³ Cressy 1980. P. 73,144.

¹⁴ Цит. по: Барз 1958. С. 244.

¹⁵ Firth 1947. P. 353-354.

В годы революции претерпело заметные изменения идеологическое обоснование концепции образования. Если в 1644 г. проект образования, предложенный Мильтоном, был рассчитан лишь на «избранный круг знатной молодежи», то спустя несколько лет его автор уже защищал создание школ для всей нации с тем, чтобы знания и культура распространились «повсюду, где они еще находятся в пренебрежении и забвении». Республиканское правительство оказывало материальную помощь школам: часть средств от конфискованных церковных земель систематически перечислялась на их содержание и обеспечение учителей. В 1649 г. правительство впервые выделило на нужды народного образования 20 тыс. ф. ст.¹⁶ Усилия революционеров и реформаторов образования, несмотря на сильное противодействие со стороны церкви и аристократии, не пропали даром: во второй половине XVII в. количество начальных школ в стране заметно увеличилось.

Обратимся далее к вопросу о том, что читали англичане в революционную пору и что представляла собой литература тех лет? На взгляд Тревельяна, «век Мильтона, Марвелла и Геррика был веком поэзии и учености». Эйлер обращал внимание на дискуссионный характер проблемы влияния революционных событий на литературу, замечая, что ответ на вопрос, какими были отношения между пуританизмом и литературой, поэзией и политикой, пока не найден. В то же время сам историк не сомневался в том, что многие произведения парламентариев Джона Мильтона, Эндрю Марвелла, Эдмунда Уоллера, Джорджа Уитера, молодого Джона Драйдена, которые можно было отнести к «политической поэзии», были написаны именно под влиянием происходивших в стране событий¹⁷. Одной из характерных черт литературы эпохи революции сделалось появление нового типа прозы, доступной для чтения «человека с улицы». После отмены цензуры заметно возрос объем сатирической, аллегорической и полемической литературы. Теперь литераторы предпочитали обращаться к читателям, не имевшим классического образования, к аудитории, которая воспитывалась преимущественно на чтении Библии и «Книги мучеников» квакера Дж. Фокса. Успехом у читающей публики стали пользоваться также биографии и автобиографии, которые, в конечном счете, привели литераторов Баниана и Дефо к написанию первых романов. Не только сторонники парламента, но и его противники – роялисты стремились завоевать аудиторию за пределами академической или придворной элиты. Результаты не заставили себя долго ждать, и вскоре

¹⁶ Лапчинская, Таршиц. 1975. С. 3.

¹⁷ Эйлер 2004. С. 106.

даже в домах сельских фермеров стали появляться, наряду с Библией, «История мира» Уолтера Рэли, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Дендрология» Джеймса Хоуэлла и тому подобная литература¹⁸.

Определенных достижений в годы революции достигла наука. Хотя Академии наук (Королевского общества) в стране еще не существовало, тем не менее, в университетах Оксфорда, Кембриджа, а также в Лондоне уже трудились ученые, работы которых находились в центре внимания правительства. Начали издаваться произведения Фрэнсиса Бэкона. Именно в эти годы зарождается скептицизм. Под влиянием распространения скептицизма Библия перестает рассматриваться в образованных кругах как непогрешимый авторитет, и уже в 1657 г. депутатов, которые по старой привычке цитировали ее в своих речах, поднимали на смех.

Насколько революция оказала влияние на развитие науки? По Эйлеру, математика и «чистая наука» того времени были мало связаны с революционными событиями. Что же касается прикладных наук, техники, то здесь дело обстояло иначе. Нужды правительства, давление влиятельных группировок, экономические запросы – все это стимулировало развитие навигации, баллистики, топографии, картографии, статистики.

Говоря о влиянии революции на интеллектуальную жизнь английского общества, нельзя не отметить ее воздействия на социальную активность населения, вызванную, прежде всего, изменениями менталитета молодежи и женщин. В ту пору, отмечал Эйлер, для талантливых людей открылись карьерные возможности: многие одаренные молодые люди «смогли преодолеть сдерживающие силы окружения и воспитания и достичь гораздо большего, чем было бы возможно для большинства из них в обычные времена»¹⁹. Среди таких людей появилось немало реформаторов, в том числе Сэмюэл Хартлиб, который выступил с проектом создания национальной информационной службы («служба адресов»); врач, геодезист и статистик Уильям Петти; химик Роберт Бойль; врач и памфлетист Питер Чемберлен и другие.

Наиболее значительное влияние революция оказала на формирование мировоззрения и интеллекта женщин. Англичанки приняли самое активное участие в революционных событиях, как на стороне парламента, так и на стороне роялистов. Многие аристократки вносили значительные денежные суммы в фонд помощи роялистам, помогали им избежать преследований со стороны парламента, прятали в своих домах опальных беглецов, организовывали отпор войскам Кромвелля, нападавшим на их

¹⁸ Тревельян. 2001. С. 259.

¹⁹ Эйлер. 2004. С. 112.

замки. Еще активнее в революционных событиях участвовали сторонницы парламента, большую часть которых составляли представительницы средних и низших слоев общества. Они принимали участие в массовых демонстрациях протеста, религиозных движениях, подаче петиций правительству, сборе средств на нужды парламентской армии, строительстве фортификационных сооружений, становились медсестрами, курьерами, регулировщицами, разведчицами, солдатами²⁰. Самой большой массовостью отличались выступления женщин с петициями в адрес парламента. Женщины подавали петиции, в которых не только выражали требования, но и излагали свои взгляды на происходящие в стране события. Все чаще в петициях, адресованных парламенту, начинало звучать требование женщин предоставить им равные с мужчинами права и, прежде всего, право высказывать свое мнение в политических дебатах.

Изменения претерпели и семейные отношения. Пуританские проповедники утверждали: жена – помощница и партнер для мужа, а не просто нижестоящий член семьи, поэтому супруг должен не только восхищаться ею, но и уважать. Пуритане осуждали рукоприкладство мужей и двойные стандарты в сексуальном поведении. Именно в эпоху революции появилось немало теорий, авторы которых переосмысливали роль патриархальной семьи в обществе. Многие англичане заговорили о необходимости реформирования института брака (изменить положение женщины, ограничить власть мужчины, упростить процедуру выбора супруга и бракосочетания). Все чаще стали появляться трактаты, авторы которых не отказывали женщинам в интеллектуальных способностях. Немало споров в печати вызывали вопросы, связанные с браком. Хилл писал: «В те времена, как и сейчас, “грех” означал для пуритан секс. Сексуальная революция, которая являлась важной частью введения протестантской этики, означала замену брака по расчету (с любовью вне брака) моногамным союзом, основанным на взаимной любви и деловом партнерстве в семейных делах. Жена должна была подчиняться мужу, но уже не как рабыня. Двойной стандарт в сексуальном поведении был заменен, по крайней мере, в идеале, единым. Новая этика, представленная в пуританских доктринах, отстаивала права женщин, хотя и подчиненных супругам, на брак по любви и свободу иметь желаемое число детей. Многие революционеры подвергали резкой критике адюльтер (особенно замужних женщин), насилие, проституцию, гомосексуализм. Уинстенли требовал смертной казни за изнасилование и неоднократную супружескую измену со стороны мужа. Многие выступали за либерализацию закона о разводе.

²⁰ Higgins. 1973. P. 219-220.

Революционные события в стране, в которых женщины приняли активное участие, выступление революционных лидеров и идеологов в защиту прав женщин на участие в политической жизни общества, а также на образование и брак оказали огромное влияние на формирование самосознания представительниц «слабого» пола. Хотя мужское верховенство продолжало сохраняться во всех сферах жизни и после революции, тем не менее, женщины, получившие в годы революции беспрецедентную свободу, начали переосмысливать свое положение в обществе. Все большее число женщин стали создавать интеллектуальные труды, основываясь на собственном житейском опыте, но выражая при этом не только личные, но уже и групповые интересы, что и являлось определяющим при формировании феминистской идеологии²¹.

Влияние революции середины XVII века оказалось поистине судьбоносным не только для интеллектуального развития английского общества. Свершившаяся в 1660 г. реставрация монархии не смогла вернуть прежние порядки. Несмотря на то, что влияние революционных идей в ту пору заметно ослабело, тем не менее, оно продолжало проследиваться. На идеях революции возросло в XVIII в. все европейское Просвещение²². Опыт Английской революции был воспринят американскими, французскими и даже русскими революционерами. Как утверждал Кр. Хилл, «жирондисты и якобинцы, меньшевики и большевики, цареубийцы и республиканцы вписывались в образцы, установленные Английской революцией»²³. Как видно, влияние данной революции на интеллектуальное развитие общества оказалось более значительным, чем было принято считать в историографии. Оно было продолжительным по своему воздействию и перешагнуло национальные границы. Даже спустя три с половиной столетия интеллектуальный резонанс революции эхом отзывается в созданной либералами модели современной демократии, которая прочно утвердилась в большинстве западных стран. Значение Английской революции середины XVII века поистине трудно переоценить.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барг М.А.* Кромвель и его время. М.: Учпедгиз, 1950. 272 с.
Барг М.А. Народные низы в Английской революции XVII в.: Движение и идеология истинных левеллеров. М.: Наука, 1967. 351 с.
Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. 399 с.

²¹ *Лабутина* 2002.

²² *Лабутина* 1994. С. 83-91; 1999; 2015.

²³ *Hill* 1990. P. 233, 242, 223, 204; *Хилл* 1998. С. 22.

- Барг М.А. Английская революция середины XVII века // История Европы. Т. 4. М., Наука, 1994. С. 11-41.
- Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов. 1660–1681. М., Наука, 1982. 208 с.
- Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., «Ирис-Пресс», 1994. 304 с.
- Лабутина Т.Л. Идеиное наследие английского Просвещения в творчестве энциклопедистов Франции // Человек эпохи Просвещения. М.: Наука, 1999. С. 14-33.
- Лабутина Т.Л. Английская революция и феминизм // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М.: Наука, 2002. С. 153-172.
- Лабутина Т.Л. Английский «след» в просветительском движении США, Франции и России // Британский мир. История Британии: современные исследования. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 201-207.
- Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция: Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII в. М.: Соцэкгиз, 1958. 366 с.
- Липчинская В.П., Таршис Е.К. Народное образование в Англии // Вопросы сравнительной педагогики. Сб. трудов. М., 1975.
- Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, Русич, 2001. 624 с.
- Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998.
- Эйлер Дж. Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг. СПб.: Алетейя, 2004. 264 с.
- Юм Д. Англия под властью дома Стюартов (1649–1685). Т. II. СПб.: Алетейя, 2002. 464 с.
- Cressy D. Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1980.
- Firth C. Oliver Cromwell and the Rule of the Puritans in England. L., 1947.
- Hill Chr. A Nation of Change and Novelty. Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth-Century England. L.; N.Y., 1990.
- Higgins P. The Reactions of Women, with Special Reference to Women Petitioners // Politics, Religion and the English War. L., 1973. P. 219-220.

REFERENCES

- Барг М.А. Kromvel' i ego vremya. М.: Uchpedgiz, 1950. 272 с.
- Барг М.А. Narodnye nizy v Angliiskoi revolyutsii XVII v.: Dvizhenie i ideologiya istinnykh levellerov. М.: Nauka, 1967. 351 с.
- Барг М.А. Velikaya angliiskaya revolyutsiya v portretakh ee deyatelei. М.: Mysl', 1991. 399 с.
- Барг М.А. Angliiskaya revolyutsiya serediny XVII veka // Istoriya Evropy. Т. 4. М., Наука, 1994. С. 11-41.
- Labutina T.L. Politicheskaya bor'ba v Anglii v period Restavratsii Styuartov. 1660–1681. М., Nauka, 1982. 208 с.
- Labutina T.L. U istokov sovremennoi demokratii. Politicheskaya mysl' anglii-skogo Prosveshcheniya (1689–1714 gg.). М., «Iris-Press», 1994. 304 с.
- Labutina T.L. Ideinoe nasledie angliiskogo Prosveshcheniya v tvorchestve entsiklopedistov Frantsii // Chelovek epokhi Prosveshcheniya. М.: Nauka, 1999. S. 14-33.
- Labutina T.L. Angliiskaya revolyutsiya i feminizm // Perekhodnye epokhi v sotsial'-nom izmerenii. Istoriya i sovremennost'. М.: Nauka, 2002. S. 153-172.

- Labutina T.L. Angliiskii «sled» v prosvetitel'skom dvizhenii SShA, Frantsii i Rossii // Britanskii mir. Istoriya Britanii: sovremennye issledovaniya. M.: IVI RAN, 2015. S. 201-207.
- Lavrovskii V.M., Barg M.A. Angliiskaya burzhuaznaya revolyutsiya: Nekotorye problemy Angliiskoi burzhuaznoi revolyutsii 40-kh godov XVII v. M.: Sotsekgiz, 1958. 366 s.
- Lapchinskaya V.P., Tarshis E.K. Narodnoe obrazovanie v Anglii // Voprosy sravnitel'noi pedagogiki. Sb. trudov. M., 1975.
- Trevel'yan Dzh. M. Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii. Smolensk: Rusich, 2001. 624 s.
- Khill Kr. Angliiskaya Bibliya i revolyutsiya KhVII veka. M.: IVI RAN, 1998.
- Eilmer Dzh. Vosstanie ili revolyutsiya? Angliya 1640–1660 gg. SPb.: Aleteiya, 2004. 264 s.
- Yum D. Angliya pod vlast'yu doma Styuartov (1649–1685). T. II. SPb.: Aleteiya, 2002. 464 s.
- Cressy D. Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1980.
- Firth C. Oliver Cromwell and the Rule of the Puritans in England. L., 1947.
- Hill Chr. A Nation of Change and Novelty. Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth-Century England. L.; N.Y., 1990.
- Higgins P. The Reactions of Women, with Special Reference to Women Petitioners // Politics, Religion and the English War. L., 1973. P. 219-220.

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; tlabutina2007@yandex.ru

The English Revolution of the mid-17th century and the English intellectual world

The article discusses the influence of the English revolution of 1640–1660 on the intellectual life of the English society. A good deal of attention is paid to the analysis of printed materials during the specified period, in particular, to the editions of the Bible in English and periodicals; to the level of literacy in the country; to educational programs developed by the leaders of the revolution. The author emphasizes the impact of the revolution on the social activity in England caused, first of all, by changes in mentality of youths and women. The above-mentioned problems have not been discussed in Russian historiography, and the author's interest in these was a direct influence of the works by the prominent Soviet historian M.A. Barg who had been a supervisor to her postgraduate research.

Keywords: M.A. Barg, England, 17th century, revolution, press, Bible, literacy, education, protofeminism.

Tatyana Labutina, Dr. Sc. (History), professor, leading researcher of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; tlabutina2007@yandex.ru